

Сергий (Страгородский), архим. На Дальнем Востоке: (Письма японского миссионера) [I–XXIV: Письмо III, «Индийский океан 9° сев. шир., 71° вост. долг.», 7 и 8 сентября 1890 г.] // Богословский вестник 1895. Т. 4. № 11. С. 241–258 (2-я пагин.). (Продолжение.)

НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ. (Письма японскаго миссіонера).

ПИСЬМО III.

7-го Сентября. Индѣйсній Океанъ. 9° сѣв. шир., 71° вост. долг.

Начну съ того, на чемъ кончилъ Портсаидское письмо.

Въ субботу (25 Августа) мы должны были придти въ Портъ-Саидъ, мѣсто для насъ важное во многихъ отношеніяхъ: тамъ намъ нужно было запастись тропической одеждой и распросить съ европейскими водами. Средиземное море, хотя и окружено азіатскими и африканскими берегами, все еще полуевропейское, все еще въ немъ, какъ говорится, русскимъ духомъ пахнетъ. Съ Портъ-Саида пойдетъ уже настоящая Азія, страны вполнѣ бусурманскія.

Среди всевозможныхъ толковъ и соображеній, что купить, куда сходить и т. п., незамѣтно подошелъ вечеръ. Пообѣдали. Было начало седьмага часа, когда я предложилъ командиру отслужить всенощную. Предложеніе принято съ радостью всѣми. Сейчасъ же начали строить изъ флаговъ алтарь. Пѣвчіе нашлись. И вотъ подъ непрерывный стукъ винта, среди потемнѣвшаго уже моря далеко-далеко понеслось наше пѣніе. Рѣдко случалось молиться такъ, какъ въ этотъ разъ. Днемъ слишкомъ свѣтло въ морѣ. Невольно себя отдѣляешь отъ него. Теперь же, когда море только шумѣло невидимое, когда только чувствовалась его близость и безконечность, какъ-то сливаешься съ нимъ. Точно бы и оно участвуетъ въ этомъ нашемъ слабомъ, замирающемъ среди волнъ пѣніи.

Вечерній чай прошелъ, поэтому, оживленнѣе обыкновеннаго.

Часовъ въ 9 на горизонтѣ появилась чуть-чуть мерцающая свѣтящаяся точка: то былъ Даміетскій маякъ (дельта Нила). Особеннаго, конечно, въ этомъ свѣтѣ ничего не было, но каждый счелъ своимъ священнымъ долгомъ раза три пристать съ запросомъ къ кому-нибудь изъ моряковъ, что-это, да гдѣ, да какъ (вопросы, нельзя сказать, чтобы особенно доставлявшіе морякамъ удовольствіе), спросивши же, каждый почему-то сполчаса смотрѣлъ на узанный наконецъ маякъ, не то, чтобы любовался, а просто смотрѣлъ, какъ будто желая еще отъ него выпросить что-нибудь.

Маякъ остался у насъ въ право, едва-едва мерцая на горизонтѣ.

„Сейчасъ долженъ быть виденъ и Портсаидскій маякъ. Огромная электрическая звѣзда“, произнесъ стоявшій возлѣ меня корабельный докторъ.

Наше вниманіе утроилось. Стояли, стояли, наконецъ, командиру (онъ былъ тутъ же съ нами) съ мостика доложили, что виденъ Портсаидскій маякъ.

Не смотря, однако, на всѣ наши усилія, мы рѣшительно ничего не могли разобрать. Видѣли только темное море и темное небо, а назади мерцалъ умирая Даміетскій маякъ. Никакой огромной электрической звѣзды нигдѣ.

Капитанъ, наконецъ, сжалился надъ нами и взялъ съ собой на мостикъ. Тамъ нашимъ глазамъ представилось все тоже темное небо и море, и только на самомъ горизонтѣ невооруженный глазъ съ трудомъ могъ различить какое-то туманное пятно. Это и была огромная электрическая звѣзда. Идти до нея было еще часа три, а шли мы узловъ по 11, можете представить, каковъ здѣсь горизонтъ, и какова сила маяка.

Итакъ, мы были у Суэцкаго канала.

По словамъ командира, каналъ находится въ рукахъ французской компаніи, которая слѣдитъ за его исправностью и для этого беретъ съ cadaго проходящаго парохода довольно значительную сумму. Здѣсь вспомнился мнѣ мостъ въ Константинополѣ. Говорятъ, это мостъ отъ глубокой, т. е. византійской древности. Тамъ тоже со всѣхъ прохожихъ берутъ деньги. Но, Боже мой, что это за мостъ. Гораздо было бы естественнѣе за переходъ черезъ мостъ выдавать премію, а не брать плату. Ну, думалъ я, если и каналъ содержится на такихъ же началахъ, тогда дѣло плохо.

Однако, свѣтящееся пятно стало все болѣе и болѣе проясняться, принимать форму, дѣйствительно, огромной звѣзды. Около нея мало по малу стали означаться чуть-чуть замѣтный рядъ и городскихъ огней. Порта-Саидъ, по всему, былъ уже близко.

На нашемъ пароходѣ зажгли бенгальскій огонь (т. е. виновать, фальшфейеръ), это вызывали изъ порта лоцмана (каждый пароходъ обязанъ взять лоцмана для прохода по каналу). Отвѣта оттуда не было, должно быть и въ Портъ-Саидъ спали. Зажгли еще разъ. Послѣ минутнаго ожиданія, надъ горизонтомъ взвилась ракета: лоцманъ выѣхалъ на встрѣчу парохода. Вслѣдъ за ракетой, по словамъ моряковъ, появились въ морѣ огни лоцманскаго катера; но эти огни, должно быть, для избранныхъ, мы, простые смертные, такъ ихъ и не разглядѣли.

Въ первомъ часу ночи пріѣхалъ лоцманъ, и взялъ „Кострому“ подъ свое водительство. Портъ-Саидъ былъ уже какъ на ладонкѣ.

Въ часъ мы были тамъ. Ночью, конечно, ничего, кромѣ огней разобрать нельзя было, зрѣлище ожидало насъ на завтра, а теперь всѣ мы отправились спать.

Уснуть однако едвали многимъ удалось: стали готовить „лебедку“ и по всему пароходу пошелъ такой шумъ и трескъ, что только въ ушахъ звенѣло. Только уже потомъ, много спустя утомонились на палубѣ, вмѣстѣ съ чѣмъ и мы могли заснуть.

На утро, проснувшись, я рѣшилъ остаться до завтрака на пароходѣ. У меня не было свѣтскаго и, притомъ, тропическаго костюма, а въ духовномъ, какъ убѣдили меня тогда и въ Константинополѣ, съѣзжать никакъ было нельзя. Послѣ я былъ въ своемъ духовномъ платьѣ вездѣ, былъ одинъ безъ всякихъ провожатыхъ, и нигдѣ ничего, кромѣ особеннаго почтенія и предупредительности не встрѣчалъ. Ходить священнику въ свѣтскомъ костюмѣ за границе и это од но изъ многочисленныхъ нашихъ суевѣрій, отъ которыхъ пора бы отрѣшиться. Каюсь весьма, что послушалъ тогда своихъ учителей.

Отъ нечего дѣлать я сталъ осматривать набережную и всю обстановку. У насъ грузили уголь. Съ того и другаго борта причалило нѣсколько барокъ, покрытыхъ густымъ слоемъ сажи и наполненныхъ до краевъ углемъ. На этихъ

баркахъ копошилось какое-то черное-пречерное челоуѣчество. Одни изъ этихъ странныхъ господъ носили уголь кусками, другіе набирали его въ корзины соломенные или тростниковыя, и, взваливъ корзину на плечи, отправлялись по узенькимъ дощечкамъ на пароходъ. Къ нимъ навстрѣчу спускались другіе уже опроставшіеся носильщики. Удивительно, какъ это они ухитрялись разойтись на такой узкой доскѣ, когда казалось бы и одному съ грузомъ по ней не пройти.

Гдѣ-то я читалъ, что типъ египетскаго феллаха остался неизмѣннымъ со временъ фараоновъ. Эта мысль пришла мнѣ въ голову при видѣ нагрузки угля. Ну, представьте себѣ, если бы снять фотографію въ тотъ моментъ, когда носильщики съ корзинами на плечахъ—на доскѣ, и если бы удалить всю теперешнюю обстановку: корабль, набережную и пр., и оставить одинъ только бѣлый фонъ,—вышла бы положительно картинка съ египетскихъ пирамидъ. Тѣже люди, та же одежда, тѣ же корзины, таже посадка и приемы держаться на узенькой доскѣ, на первый взглядъ нѣсколько неестественные, натянутые—все тоже до мелочей... Такъ это точно и исторически вѣрно, что невольно обращаетъ на себя вниманіе. Я указалъ на этотъ фактъ нѣкоторымъ оставшимся пассажирамъ, и всѣ невольно согласились со мной. Удивительная живучесть и типа и житейской обстановки.

Послѣ завтрака, когда возвратившіеся съ берега наши компаніоны снабдили насъ бѣлыми костюмами, мы цѣлой толпой отправились на берегъ. Возницей нашимъ былъ какой-то потомокъ фараоновъ въ бѣлой чалмѣ и какой-то не то рубахѣ не то халатѣ, нельзя сказать, чтобы блестящей чистотой. Этихъ господъ здѣсь тысячи. Всѣ они здѣсь на охотѣ. Всѣ стерегутъ приѣзжихъ, и только, что вы сойдете на берегъ, всѣ они устремятся на васъ. Нужно много привычки и рѣшимости, чтобы избавить себя отъ ихъ докучливыхъ и, конечно, не безкорыстныхъ услугъ. Пробившись сквозь эту армію, мы попали на главную улицу Портъ-Саида. Этимъ наше путешествіе и ограничилось, потому что дальше будетъ все одно и то же. По напрасну проходишь, потратишь время и силы.

Что такое Портъ-Саидъ?

По своему объему, это очень небольшой приморскій го-

родокъ. Въ немъ, насколько помню, всего только двѣ-три улицы, идущія параллельно берегу. Онѣ пересѣкаются нѣсколькими переулками (въ числѣ ихъ и Генегал). По своему общему характеру, Портъ-Саидъ сильно напоминаетъ нижегородскую ярмарку. Какъ тамъ, здѣсь жизнь также бьетъ ключемъ, но въ то же время все какъ-то даетъ знать, что эта жизнь искусственная, принесенная откуда-то со внѣ, что никто изъ этихъ кричащихъ, суетящихся людей не имѣетъ подъ собой твердой почвы здѣсь, живетъ тутъ только, какъ въ гостинницѣ. Да и постройки всѣ смотрятъ какъ-то временными, точно балаганами, хотя нѣкоторыя имѣютъ и по семи этажей. Все это, съ балконами, галереями, кажется такимъ легкимъ, воздушнымъ, что во всякое время грозитъ исчезнуть на всегда.

Населеніе Портъ-Саида вполне отвѣчаетъ его характеру. Сюда собрались выходцы изъ всѣхъ странъ, собрались съ единственною цѣлью схватить что-нибудь себѣ изъ общей добычи, поскорѣе набить свои карманы и убраться опять на родину. Кого только тутъ нѣтъ? И греки, и арабы, и итальянцы, и французы, и всѣ. Все это продаетъ (покупателей въ Портъ-Саидѣ нѣтъ, они пріѣзжаютъ на проходящихъ пароходахъ). Все это обманываетъ, надуваетъ своихъ случайныхъ покупателей, зная, что увидятъ ихъ можетъ быть только разъ, что покупатель долженъ купить у нихъ, хотя бы и не желалъ. Отсюда, мошенничество здѣсь крайнее, образцовое. Отсюда же происходитъ и тотъ фактъ, что въ Портъ-Саидѣ масса всевозможныхъ лавокъ, гостинницъ, тавернъ, но нѣтъ ни одного порядочнаго магазина, ни одной порядочной лавки или гостинницы. „Это, какъ весьма остроумно выразился одинъ изъ нашихъ пассажировъ, всемирный кабакъ самаго низшаго разбора“. Дѣйствительно, Портъ-Саидъ, съ какой стороны на него ни смотри, ото-всюду—кабакъ.

Къ довершенію сходства съ кабакомъ и нравы его жителей совсѣмъ кабацкіе: драки и убійства совершаются тамъ иной разъ среди бѣлаго дня. Мы сами были свидѣтелями одной изъ такихъ кабацкихъ сценъ.

Нагрузившись всевозможными покупками и порядочно уставши на жарѣ, мы присѣли выпить содовой воды. Вдругъ мимо насъ во весь карьеръ проносится какой-то турецкій

офицеръ (пѣшій), окруженный толпой мальчишекъ и пр. Все это орало во всю глотку и летѣло сломя голову по направленію къ пристани. Спрашиваемъ у окружающихъ, что это за рысистое состязаніе. Тѣ дѣлали какія-то волшебныя махицуляціи, стараясь чуть не на нашемъ носу изобразить, что такое случилось; но понять всетаки мы ничего не могли. Послѣ, когда пошли домой и сиделись въ лодку, намъ на встрѣчу къ берегу пристала другая лодка, а въ ней знакомый намъ рысистый офицеръ съ нѣсколькими турками, которые бережно держали какого-то окровавленнаго съ ногъ до головы феллаха. Оказывается дѣло самое обыкновенное: какой-то гарсонъ выстрѣлилъ три раза въ этого феллаха и вотъ этотъ послѣдній съ прострѣленной головой и рукой поступилъ въ вѣдѣніе общественной благотворительности.— Вотъ вамъ картинка изъ портъ-саидской жизни. Хорошъ уголокъ?

Не смотри на такія страсти, мы всетаки запаслись все́мъ, чего намъ было нужно. Достали и бѣлыхъ костюмовъ, и тропическихъ шляпъ-касоекъ и всего. Не забыли, конечно, и шерстяныхъ рубашекъ: въ жаркихъ, тѣмъ болѣе въ тропическихъ странахъ, безъ шерсти рѣдко кто обходится. Льняная ткань быстро холодѣетъ. Достаточно небольшого пониженія температуры, небольшого вѣтерка, чтобы застудить себя. А простудиться здѣсь, пожалуй, гораздо серьезнѣе, чѣмъ у насъ. Въ крайнемъ случаѣ нужно имѣть бумажное бѣлье. Не даромъ ленъ растетъ на сѣверѣ, для юга назначенъ хлопокъ.

Запасшись все́мъ, возвратились на пароходъ. Тамъ, на палубѣ происходила цѣлая ярмарка: торговцы проникли туда и покрыли всю палубу своими товарами, кстати сказать, весьма подозрительными по своей доброкачественности. Большой соблазнъ былъ для нашихъ поселенокъ. Съ какимъ аппетитомъ поглядывали онѣ на разныя бусы и платки. Нѣкоторыя и въ самомъ дѣлѣ соблазнились.

Часовъ въ 5 вечера наша стоянка прекратилась, торговцевъ прогнали, трапы подняли, мы снялись съ якоря и пошли, съ намѣреніемъ не выходить на сушу до самаго Коломбо.

Непосредственно отъ Портъ - Саида начинается Суецкій каналъ. Это довольно узкій каналъ, позволяющій пройти

только одному кораблю. Всѣ мы, которые приготовлялись съ особеннымъ интересомъ любоваться этимъ восьмымъ чудомъ, были жестоко разочарованы. Грандіозность канала понятна, но не замѣтна,—особенно съ борта большаго парохода, каковъ былъ нашъ. Каналь кажется канавой. Если же принять въ расчетъ его пустынные, томительно однообразные берега, обязательно медленное движеніе, и все это при значительной жарѣ, то въ результатѣ получается нѣчто очень скучное, тяжелое.

Справа отъ насъ долго еще была видна морская вода, отъ которой каналъ отдѣляется узкой песчаной полосой. Вдали желтели всюду безконечные пески, уходившіе за горизонтъ. Слева лежала уже цѣлая, сплошная пустыня, унылая, сѣро-желтая, лишь слегка оттѣняемая небольшими холмами. Вотъ справа показался караванъ изъ пяти верблюдовъ, такихъ же желтыхъ, полинялыхъ, молчащихъ и унылыхъ, какъ и сама пустыня. Слева виденъ былъ привалъ другаго каравана. Нѣсколько верблюдовъ лежало, совсѣмъ сливаясь съ общимъ сѣро-желтымъ фономъ. Подлѣ нихъ чуть-чуть замѣтны были тоже лежавшіе ихъ погонщики. Больше этого въ пустыни ничего. Только одинъ нашъ пароходъ медленно-медленно ползъ по среди этого царства смерти, своимъ свистомъ и пыхтѣньемъ нарушая его гробовой покой. Многое можно было бы передумать съ глазу на глазъ съ этой молчащей, умершей безконечностью. Вспомнились тутъ всѣ герои духа, которые именно здѣсь, или если не здѣсь, то въ подобныхъ же пустыняхъ находили себѣ великую школу. Многому можетъ научить строгая пустыня, на многія думы навести.

Монотонность пейзажа потомъ была приятно нарушена узкой полоской зелени, которая появилась вдоль праваго берега и провожала насъ почти до Суэца. Оказывается здѣсь былъ или есть водопроводъ. Прѣсная вода и произвела всю эту зелень.

Пароходъ нашъ двигался впередъ очень медленно. По правиламъ полагается идти что-то не болѣе пяти узловъ въ часъ. Становилось скучно. Попадались изрѣдка землечерпательныя машины, буксирные пароходы, принадлежащія компаніи. Все это—свидѣтельство непрерывнаго труда надъ каналомъ. Берега его осыпаются отъ пароходовъ, дно засари-

вается, необходимо постоянно его углублять, очищать. Необходимо укрѣплять его берега. Не даромъ берется высокая плата за проходъ парохода: трудъ все еще продолжается и трудъ большой и дорого стоящій.

Нашему унынію скоро наступилъ конецъ: вечерняя тьма скрыла отъ насъ пустыню, а ночь вездѣ ночь. Не можетъ она тяготить и наводить тоску, какъ пустыня. Каналъ сталъ невидимъ, одни только сигнальные огни, красные и зеленые, показывая намъ путь мерцали длинной аллеей среди густой тьмы.

Около 11 часовъ ночи съ ближайшей станціи поданъ былъ сигналъ, что идетъ встрѣчный пароходъ. Разойтись въ каналѣ двумъ пароходамъ нельзя. Поэтому, весь каналъ раздѣленъ на нѣсколько станцій. У каждой станціи устроено особое мѣсто, гдѣ швартовится къ берегу одинъ пароходъ, пока пройдетъ его болѣе счастливый противникъ, которому удалось первому вступить на станцію. На этотъ разъ швартовиться приходилось намъ. Спустили двѣ шлюпки съ матросами, отвезли на берегъ канаты. И пошла исторія. Лебедка затрещала, офицеры закричали, матросы забѣгали. Безмолвіе аравійской пустыни было нарушено самымъ безцеремоннымъ образомъ. „Отдать кормовой“, кричали отъ капитанскаго мостика.

„Вира лебедка“, вторили имъ съ кормы.

Не обошлось дѣло и безъ сильныхъ выраженій, и ими подарили спящую пустыню. Должно быть къ довершенію всего, какое-нибудь распоряженіе отдано было неладно, и мы провозились съ швартовкой часа полтора. Между тѣмъ электрическій фонарь встрѣчнаго парохода все приближался, странно выдѣляясь на темномъ фонѣ пустынной ночи. Подождали еще немного, и около часу ночи съ завистью смотрѣли на бѣлое пыхтѣвшее чудовище, которое съ торжествомъ проплыло мимо насъ. Это оказался двухмачтовый почтовый прусскій пароходъ. Пожелавши ему счастливаго пути, мы, покричавъ еще изрядно, снялись съ якоря и пошли своимъ путемъ. На наше счастье швартовиться больше не пришлось, только уже на другой день недалеко отъ выхода изъ канала повстрѣчались еще два или три парохода, но на этотъ разъ счастье было на нашей сторонѣ: мы побѣдоносно прошли мимо, они же стояли печально прижавшись къ берегу.

Въ понедѣльникъ часовъ около трехъ показался, наконецъ, портъ Суецъ, а вдали отъ него и городъ Суецъ.

Города, конечно, издали рассмотреть было нельзя, что же касается порта Суеца, то это въ нѣкоторомъ отношеніи весьма замѣчательное мѣсто. Вообразите себѣ совершенно голый, песчаный и каменный островокъ, на который подъ палящими лучами солнца просто смотрѣть страшно, такъ онъ напоминаетъ собою плиту. На этомъ островкѣ и утвердились англичане, заграждая входъ въ каналъ. Здѣсь у нихъ устроена великолѣпная гранитная набережная съ чистыми, можно сказать, изящными лѣсенками къ водѣ. На набережной церковь и нѣсколько домовъ. Но, что всего удивительнѣе и неожиданнѣе здѣсь, такъ это цѣлая аллея деревьевъ, какимъ-то чудомъ сохранявшихся посреди этой печи. Впрочемъ, аллея общаго впечатлѣнія не измѣняла: не смотря на эти попытки жизни, островокъ по прежнему былъ раскаленной плитой и какъ ухитрились здѣсь жить люди, для насъ было положительно непонятно.

Миновавши Портъ-Суецъ и сдѣлавъ большой полукругъ, мы остановились на якорь въ Суецкомъ заливѣ уже Краснаго моря.

Здѣсь сразу же замѣтна была переменна въ водѣ. Суецкій каналъ наполненъ какой-то зеленоватой, молочнистой жидкостью, между тѣмъ въ Красномъ морѣ вода совершенно синяя съ нѣкоторымъ даже фіолетовымъ оттѣнкомъ. Кстати вспомнилось различіе воды въ Черномъ и Средиземномъ моряхъ. Въ Черномъ морѣ вода скорѣе зеленая, при лунномъ свѣтѣ точно изумрудъ; въ Средиземномъ морѣ вода показалась намъ какъ-то даже неестественно синей, точно въ ней распущена какая краска. Здѣсь въ Океанѣ (гдѣ мы идемъ сейчасъ) вода особеннаго свѣта какъ будто не имѣетъ, но чиста и прозрачна изумительно.

Въ Суецкомъ заливѣ мы постояли часа два, предъявляя кому-то какія-то бумаги или еще что-то.

Нашъ предприимчивый капитанъ придумалъ для пассажировъ своеобразное развлеченіе: надумали ловить акулъ, которыхъ, говорятъ, здѣсь очень много. Достали крюкъ, насадили на него съ фунтъ мяса и пустили въ море. Однако акулы должно быть пообѣдали: ни одна не польстилась на нашу приманку, хотя по близости и видны были.

Подѣхали по обыкновенію продавцы. На этотъ разъ это были арабы съ разными вещами. Наше вниманіе остановилось на одномъ маленькомъ арабчнкѣ въ костюмѣ довольно невзыскательномъ. У него вся лодка была завалена небольшими деревянными коробочками съ финиками. Спросили цѣну. По франку штука. Цѣлая коробка финиковъ (конечно, свѣжѣйшихъ, прямо съ дерева, вѣдь, здѣсь Аравія), и только за франкъ! Мы подстрекая одинъ другаго набросились на эти финики и скунили у мальчишки почти всю лодку. Ну, и финики. Я думаю, у насъ ихъ и скотъ не сталъ бы ѣсть. Дали намъ какихъ-то гнилыхъ, заваленныхъ, просто въ ротъ нельзя взять. Пришлось убѣдиться, что и въ Аравіи не всѣ финики растутъ на деревьяхъ, нѣкоторые и валяются подъ ними. Нѣкоторые купили рахатъ-лукумъ, но онъ оказался чѣмъ-то въ родѣ сосновой смолы, перемѣшанной съ сахаромъ и мукой (плюсь-фуксинъ отъ ящика). Такъ мы, не поймавши ни одной акулы и позавтракавши гнилыми финиками, и отправились изъ этой счастливой (для продавцевъ) Аравіи. Было около 6 съ пол. часовъ вечера.

До сихъ поръ счастье благопріятствовало намъ: Черное море прошли безъ вѣтерка и безъ жары, Средиземное тоже съ рѣдкимъ счастьемъ. Такъ же счастливо вступили и въ Красное море. Шли мы полнымъ ходомъ, распустивши даже парусъ на передней мачтѣ. Дулъ довольно замѣтный попутный вѣтерокъ, который и ходу намъ прибавлялъ и жару уменьшалъ. Наши тропическіе костюмы покуда были лишними.

Но вотъ, проходитъ ночь, проходитъ вторникъ. Температура воды все возвышается, въ ваннѣ доходитъ до 26 градусовъ. Вѣтеръ, какъ нарочно, стихъ, чуть-чуть подувалъ сзади. Жара не только не уменьшалась отъ этого, но еще возрастала до послѣдней степени: этотъ вѣтерокъ уничтожалъ собою и то незначительное движеніе воздуха, которое производило своимъ ходомъ судно. Получалось тишь неподвижная, удушающая. Жара стояла смертельная. Въ каютѣ, конечно, нельзя было пробыть ни минуты, все, что могло выползло на палубу и проводило тамъ весь день. Сходишь въ каюту, пробудешь тамъ нѣсколько минутъ и оттуда всходишь уже мокрымъ съ головы до ногъ. Надъ

ютомъ протянули двойной тенеть, но и подъ нимъ было не легче. Шапки снять нельзя было: одинъ вздумалъ просидѣть нѣкоторое время безъ шапки, и за то поплатился головной болью на цѣлый день. Что мы дѣлали въ это время? Положительно ничего. Только винтеры не унывали и, обливаясь потомъ, винтили на два стола. Должно быть, температура на игру не вліяетъ.

Пробовали было мы читать, но рѣшительно ничего не идетъ въ голову. Хорошо еще, что время на пароходѣ распределено такъ безалаберно, что день проскользаетъ между пальцевъ, въ противномъ случаѣ пришлось бы болѣе мучиться.

Къ довершенію всего, стали умирать ребята у переселенцевъ. У насъ ихъ умерло четверо. И это еще счастливый рейсъ: обыкновенно бываетъ больше. Жара положительно убиваетъ ихъ.

Да, было жарко.

На нашемъ пароходѣ нѣтъ никакихъ приспособленій для жары. Ни опухалъ, ничего. На хорошихъ пассажирскихъ существуютъ механическія, приводимыя въ движеніе машиной опухала. При нихъ можно жить и въ каютахъ. У насъ же это не быто мыслимо и ночью. Спали мы по большей части на палубѣ. Пользуясь нѣкоторой прохладой вечеромъ, просидишь долго. Да и не уснешь, если бы и хотѣлъ: народъ весь на палубѣ и не молчатъ, уснуть нельзя при всемъ желаніи. Заснешь далеко за полночь, а утромъ, на разсвѣтѣ на ютъ приходитъ команда мыть палубу. Хочешь-не хочешь, а нужно уходить въ каюту досыпать.

И вотъ, часовъ въ 8, а нѣкоторые и позже, изъ каютъ одинъ за другимъ начинаютъ выскакивать наши спутники, красные, мокрые, какъ мыши, совершенно внѣ себя отъ полученной духовой ванны. Да и освѣжиться негдѣ и нечѣмъ: вода въ умывальникѣ пагрѣлась. Сколько не обливайся ей, не освѣжаетъ нисколько.

Выбѣжить несчастный въ каютъ-компанію, а тамъ его встрѣчаетъ саркастическое: „extra“, чай уже проспаны. Выйдетъ на палубу, тамъ его принимаютъ на смѣхъ, поздравляютъ, вмѣсто „добраго утра“, „съ легкимъ паромъ“. Совсѣмъ бѣда!

Завтракали и обѣдали мы на верху подъ тентомъ.

Днемъ любовались на цѣлыя стада дельфиновъ, которые купались и играли на поверхности воды. Но и имъ должно было быть жарко: движенія ихъ были какъ-то тяжелы, лѣнны.

Летучая рыба, какъ воробьи, прыгали изъ-подъ носа парохода. Говорятъ, иногда эту рыбу вѣтромъ заноситъ на самую палубу.

Наступаетъ ночь, и все вздыхаетъ немного полегче.

Нѣтъ по крайней мѣрѣ палящихъ лучей солнца, хотя духота остается прежняя. Море начинаетъ свѣтиться фосфорическимъ свѣтомъ, и мы долго-долго любуемся на его игру подъ кормой и носомъ парохода.

Ночь подъ пятницу и субботу (30 Августа и 1 Сентября) шли мы половиннымъ ходомъ: начались острова, а съ ними и опасности. Оказывается, какъ рассказывали намъ наши моряки, Красное море одно изъ опасныхъ: въ немъ много мелей и подводныхъ камней, и при томъ есть мѣста плохо изслѣдованныя. Вотъ, на примѣръ, иллюстрація къ сказанному.

Въ прошлый рейсъ Кострома благополучно прошла Краснымъ моремъ и прибыла въ Коломбо. Здѣсь получается телеграмма, что въ Красномъ морѣ подъ такой-то широтой и долготой разбилось о подводный камень какое-то иностранное судно. Поспѣшили нанести этотъ камень на карту. Каково же было ихъ удивленіе и ужасъ, когда оказалось, что этотъ камень лежитъ, какъ разъ на линіи только что пройденной Костромой.

Весьма поучительно въ этомъ отношеніи и, такъ называемое, „кладбище пароходовъ“, которое мы должны были пройти часовъ въ пять утра 1-го Сентября. Въ этомъ милонѣ уголкѣ затонуло въ разное время нѣсколько пароходовъ. Остовы ихъ долге потомъ виднѣлись изъ воды, въ видѣ урока для всѣхъ проходящихъ.

Однако, всему на свѣтѣ бываетъ конецъ, пришелъ конецъ и Красному морю.

Въ субботу, 1 Сентября, начали все чаще и чаще попадаться острова, предвѣщая близость Адесскаго залива. Ну, и острова. Одни-то скалы. Ни деревца, ни травы. Даже тоска беретъ смотрѣть на ихъ желто-сѣрыя горы. Точно надгробныя намятники поднимаются изъ воды.

Наконецъ, раздались возгласы: „Перимъ! Перимъ!“ Всѣ, конечно какъ по командѣ обратили свои взоры впередъ на горизонтъ.

Тамъ справа и слѣва виднѣлись какія-то черныя массы, — это были берега Бабъ-эль-Мандебскаго пролива. Слева высилась огромная скала, по имени которой названъ проливъ, вся какаят-о сѣрая, мрачная, и на всею ея протяженіи въ высоту и ширину, бѣлѣлъ только одинъ домикъ, что-то въ родѣ башни. Справа, на такомъ же пустынномъ сѣро-желтомъ берегу находился Перимъ (на островкѣ). Это ничто иное, какъ небольшой островокъ, на немъ ничтожная деревенька (если только не поселокъ однихъ только рабочихъ), фабрики льда и очень большой складъ угля. И здѣсь засѣли также англичане.

Мы подняли сигналъ (извѣстное сочетаніе флаговъ): „Не въ карантинѣ ли Перимъ?“

Отвѣтъ: „Нѣтъ“.

Есть ли ледъ?

Отвѣтъ утвердительный.

Еще три флага: „Давайте“.

Послѣ этого наша Кострома, не заходя въ бухту, стала на якорь. Прибылъ было лоцманъ, второпяхъ не разобравшій нашего сигнала. Онъ думалъ, что мы ждемъ его. Его, конечно, успокоили и отправили назадъ.

Пока уѣхалъ лоцманъ, пока привезли ледъ, выгрузили его и пр., прошло довольно времени; а между тѣмъ къ пароходу собрались негры, къ великому ужасу и потѣхѣ нашихъ переселенцевъ. Дѣйствительно интересныя фizioноміи. Типъ, конечно, довольно извѣстный по картинамъ, но я совсѣмъ не ожидалъ увидать у нѣкоторыхъ изъ нихъ рыжихъ волосъ. Намъ, помнится, говорили, что волосы у всѣхъ негровъ черныя.

Чего только ни дѣлали наши посѣтители? Главное ихъ занятіе было ловить монеты въ водѣ. Стоитъ только съ парохода бросить въ воду монету, сейчасъ же съ лодокъ ныряютъ нѣсколько человекъ. И непременно одинъ вернется съ монетой въ зубахъ. Удивительно, какъ это ихъ не трогаетъ акулы. Цвѣтъ что ли ихъ защищаетъ или специфическій западъ, но только акулы рѣдко нападаютъ на черныхъ.

Негры привезли и товаровъ. Больше было коралловъ, преимущественно бѣлыхъ, и кажется недорогихъ. Стоитъ только указать негру на что-нибудь изъ его товара, ментально онъ съ этой вещью въ рукѣ взбирается на самый ютъ по борту, нисколько не стѣсняясь гладкой желѣзной поверхностью его, какъ кошка.

Удивляло насъ и то равнодушіе, съ какимъ негры относились къ температурѣ льда, который они грузили. Они совершенно прехладнокровно брали куски льда голыми руками, клали ихъ на такія же голыя плечи, стояли на льду голыми ногами. Однимъ словомъ какъ будто не чувствовали холода.

Наконецъ, ледъ взяли, агента съ письмами (точнѣе, съ записками, такъ какъ никто не могъ написать во время этой неожиданной стоянки письма) проводили. Подняли якорь и пошли далѣе. Былъ вечеръ 1 Сентября, суббота. Завтра рѣшили служить литургію.

Я позабылъ вамъ написать, что въ Красномъ морѣ мы праздновали 30-е Августа. У насъ былъ парадный молебенъ съ многолѣтіемъ и пр. Не смотря на тропическую жару, почти всѣ облачились въ полную парадную форму. Молились въ потѣ лица въ самомъ буквальномъ смыслѣ. На мачтахъ развѣвались флаги, за столомъ тосты, только пассажиры поспѣшили снова переодѣться въ тропическій костюмъ.

Утромъ 2 Сентября, говорю я, собрались мы служить литургію. Приготовленія шли почему-то невозможно долго, только въ началѣ 11-го удалось покончить съ ними. Между тѣмъ къ этому времени мы стали выходить все больше и больше въ открытое море. Прежде зеркальная, неподвижная поверхность чуть-чуть стала волноваться. Пароходъ началъ покачиваться. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Мои богомольцы одинъ за другимъ стали сокращаться. Въ срединѣ обѣдни море расходилось совсѣмъ, такъ что престолъ и жертвенникъ пришлось двржать двоимъ матросамъ. Я служить балансируя, какъ на канатѣ, и искренно раскаиваясь, что началъ литургію. Но утромъ такъ было хорошо, и если бы не промедлили съ устройствомъ алтаря, то все обошлось бы превосходно.

Обѣдня окончилась благополучно. Даже причастилъ од-

ного ребенка. Послѣ пришлось немного беспокоиться за себя во время качки, но и это миновало благополучно.

Качало на этотъ разъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Средиземномъ морѣ, хотя опять таки моряки отказывались назвать это качкой. Пассажиры, вѣруя въ качку, страдали сильно. За завтракомъ не было ни одной дамы, да и мужчины, сидѣвшіе за завтракомъ, нерѣдко совершали экстренные рейсы изъ-за стола куда-то. Моряки увѣрили, что къ вечеру придемъ къ острову Сокотора и прикроемся имъ отъ волненія (это-де идетъ съ юга мусонная змбъ). Но ожиданія были напрасны: никакая Сокотора не помогла, насъ качало и мы укачивались и за Сокоторой.

Утромъ, въ понедѣльникъ (3 числа) я проснулся, какъ въ зыбкѣ. Меня качало немилосердно, то ноги поднимаются къ верху, то голова. И все это такъ безцеремонно и поведительно. Такимъ несчастнымъ кажешься себѣ въ эти минуты, лежа на койкѣ и совершая эти произвольныя эволюціи. Пробуешь презрительно не замѣчать всего этого, отвернешься къ стѣнѣ, но увы голова преобильно стучается о холодную и влажную стѣну, а лицо точно нарочно кто втискиваетъ въ подушку. Попробуешь выпрямиться, поправить подушку, но койка платитъ за это тумаконъ по лбу. Пренепріятное и преглуное положеніе.

Поднялся я съ своей койки, совершилъ довольно сложную экскурсію за своими одѣянїями и обувью, которыя на этотъ разъ не хотѣли слушаться. Поплескалъ около себя водой, чуть-не тыкаясь носомъ въ умывальникъ. Затѣмъ, попробовавши еще разъ (и не одинъ) крѣпость стѣнъ въ каютѣ и въ корридорѣ, я выбрался на верхнюю палубу.

Тамъ качка во всей красѣ. Кострома наша качалась безпомощно, не смотря на свои размѣры. Зыбъ (моряки такъ и не согласились назвать это волнами) подбрасывала насъ немилосердно. Пока, впрочемъ, можно еще было ходить. Но вотъ налетѣла волна, трахъ. . и все, что было на лѣвомъ бортѣ, полетѣло на правый. . Стола несчастныхъ винтеровъ (которые и въ болѣзни винтить не переставали) сдѣлалъ ужасное сальто-мортале, за нимъ хоромъ пошли стулья, кресла, винтеры, скамейки, пассажиры,—все это, перегоняя другъ друга, спѣшило стукнуться о правый бортъ, чтобы потомъ съ такой же поспѣшностью прогуляться обратно.

Поднялся шумъ и гамъ невообразимый. Каждый старался найти себѣ точку опоры, хватался за веревки, за ~~сосѣда~~, за стулъ и вмѣстѣ съ ними продолжалъ свое путешествіе.

Мебель пришлось привязать. Многіе изъ лежащихъ пассажировъ привязали себя сами. Обѣдали мы уже въ каютъ-компаниі, при чемъ на столѣ было полное убранство качальнаго сезона: положены были небольшія загородки, которыя удерживали тарелки, стаканы и пр. на столѣ и не позволяли имъ переходить въ колѣна пассажировъ. Вообще качка была настоящая (для насъ, по крайней мѣрѣ) и продолжалась она съ понедѣльника вплоть до вчерашняго вечера (т. е. до четверга 6 числа). Измучила всѣхъ страшно.

Настроеніе впрочемъ было скорѣе веселое. Приступы морской болѣзни встрѣчались съ хохотомъ, учредилось даже „Общество любителей морской болѣзни“. Знаменитыя капли инженера продолжали служить предметомъ шутокъ. Капель, конечно, никто больше отъ инженера не бралъ, да и самъ онъ потерялъ наконецъ вѣру въ нихъ.

Дня черезъ два къ качкѣ всѣ привыкли. Обѣдали и завтракали исправно и почти въ полномъ составѣ. Тѣмъ не менѣе, при всей привычкѣ, положеніе было не естественное. Постоянно качаться, постоянно чувствовать какой-то свинецъ въ головѣ, въ концѣ концовъ становилось тошно. Мало по малу и Океанъ сталъ казаться однообразнымъ и неуютнымъ. Все вода и вода. Тяжко, тоскливо. Хотѣлось земли, хотя небольшой клочечекъ, хотя одинъ шагъ шагнуть по твердой почвѣ. Многіе начали поговаривать, что напрасно не поѣхали чрезъ Сибирь, тамъ, правда, трясеть, тамъ и неудобные экипажи, и дольше и пр., но все нѣтъ такой тоски. Многіе давали себѣ обѣщаніе обратно ѣхать обязательно сухимъ путемъ. Для насъ стало понятнымъ настроеніе спутниковъ Колумба, которые съ тоски даже взбунтовались противъ своего командира. У насъ бунта не предполагалось, а тоска, дѣйствительно, была всеобщая. Цѣлыхъ одиннадцать дней не сходить на берегъ, и столько дней не видать земли, да еще сверхъ того, качаться постоянно. Это выводило, наконецъ, изъ терпѣнія.

Жары, слава Богу, теперь нѣтъ такой, какъ въ Красномъ морѣ. Здѣсь есть вѣтеръ, и, съ сухопутной точки зрѣнія, порядочный. Въ первый день было даже какъ будто

прохладно (очевидно, послѣ бани въ Красномъ морѣ). Идемъ мы очень хорошо, жаль только, что измѣнили курсъ, чтобы не идти прямо поперекъ волненія. Идемъ отъ Сокоторы на Бомбей, потомъ съ какого-то градуса повернули на Меникой (онъ будетъ виденъ сегодня часовъ въ десять вечера. Конечно, мы увидимъ только свѣтъ его маяка: тьма здѣсь наступаетъ почти моментально послѣ захода солнца).

Развлеченіемъ нашимъ служатъ тѣ картилы, которыя предлагаетъ намъ Океанъ и небо.

Солнце, погружаясь вечеромъ въ океанскія воды, кладетъ на небо такія нѣжныя и разнообразныя краски, что никто бы не повѣрилъ, если бы все это передать въ точности на картину. Можно ожидать краснаго, голубаго, но откуда нѣжно-зеленый и даже желтый, оранжевый? Облака подъ этимъ причудливомъ отвѣтомъ принимаютъ еще болѣе причудливыя формы. Какихъ только фигуръ нельзя увидать на вечернемъ небѣ въ океанѣ. То поднимется какой-то фантастическій дворецъ, гротъ, то всплываетъ чья-то чудовищная рожа. Однажды видѣли даже цѣлаго китайца въ полномъ его уборѣ, съ косою и вѣромъ. У насъ на сушѣ, кажется, такихъ картинъ не бываетъ. И тамъ есть облака, и тамъ глядя на нихъ можно строить воздушныя замки, но того, что есть въ океанѣ, навѣрное, тамъ нѣтъ. Слишкомъ уже причудливы и подробны здѣшнія фигуры.

Долго горитъ закатъ. Наконецъ, облака начинаютъ багровѣть, синѣть, чернѣть. Все небо и море покрывается тьмой. Тогда открывается другое зрѣлище, еще болѣе восхитительное. Океанъ загорается огнями. Волны-всѣ съ огненными гребнями, подъ носомъ и кормой парохода цѣлые огненные каскады. За пароходомъ далеко-далеко уходитъ огненная дорога. Свѣтилось море Красное, отчасти Средиземное, но здѣсь въ океанѣ положительно иллюминація. Мы долго любуемся ей. Облокотись на бортъ, и долго долго стоишь молча, прислушиваясь къ могучему плеску волнъ и любуясь этимъ чуднымъ свѣтомъ. Онъ идетъ откуда-то изнутри, распространяется какъ-то безъ центра, и безъ лучей, точно матерія какая свѣтовая разливается по морю.

Въ среду (5 числа) часовъ около 10 утра, видѣли кашелотовъ. Ихъ было нѣсколько штукъ. Удивительно быстры ихъ движенія. Одинъ изъ нихъ, на котораго мы особенно

обратили вниманіе, нырнулъ подъ нашъ пароходъ (конечно, былъ онъ не подъ бортомъ, а на разстояніи очень почтенномъ), и чрезъ какіе-нибудь полминуты онъ уже вынырнулъ по другую сторону, за версту, если не болѣе. Что это за звѣри, рассмотреть не пришлось, слишкомъ неожиданно они появились и слишкомъ поспѣшно пропали изъ глазъ. Видѣлъ я только хвостъ и вспрыски воды (кашелогъ не пускаетъ воду вверхъ фонтаномъ, какъ китъ, а только прыщетъ).

Эти развлечения немного разнообразятъ наше скучное времяпрепровожденіе. Въ общемъ всетаки, хотѣлось бы поскорѣе добраться до суши и походить по ней. Теперь близость стоянки нѣсколько подняла нашъ духъ. Чувствуется скорый конецъ. Да и море оживилось, — чаще попадаются встрѣчные пароходы. Въ воскресенье, Богъ дастъ, будемъ въ Коломбо. Сегодня собираемся служить всенощную, а завтра литургію (Рождество Богородицы).

Р. S. 8 Сентября (суббота).

Качки почти нѣтъ, жара не особенно сильна; почти благодушествуемъ. Завтра часовъ въ 9 утра надѣмся быть въ Коломбо. Такъ говорятъ сквозъ зубы наши моряки, къ которымъ мы пристаемъ поминутно и которые всего больше не любятъ этотъ вопросъ. Въ Коломбо кажется будемъ стоять долго. Можетъ быть отдохнемъ на сухой землѣ. Соблазнительная перспектива!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Архимандритъ Серій.
